

В полдень у ручья нещадно палило солнце. Вэй Цю примостился в тени дерева, стирая белье; рядом с ним, так же спасаясь от зноя, лениво замерли несколько крупных гусей.

Сейчас в их хозяйстве было десять гусей и уток — все как на подбор жирные и крепкие. Каждое утро они уходили со двора и возвращались только к закату. Несколько особенно задиристых гусей повадились ходить хвостом за Дань-данем и вступать в потасовки с деревенской ребятней. Раньше они боялись подходить к большой реке, а теперь шествуют там с высоко поднятыми головами, вызывая гогоча — настоящие хозяева деревни!

Вэй Цю теперь постоянно держал дома запас сладостей, потому что то и дело к нему прибегал какой-нибудь малыш в слезах и соплях с жалобой на гусей. Мол, опять эти щипачие разбойники повалили на землю и «отмутузили». Причем эти вредные гуси детей не калечили и не клевали до крови, а просто прижимали к земле и возили клювами по одежде.

Малышня орала во всё горло. Поначалу взрослые пугались — гуси-то огромные, вдруг зашибут? Но увидев, что птицы просто дразнят детей и играют с ними, перестали обращать внимание: кого из нас в детстве куры не гоняли?

Вэй Цю, узнав об этом, обошел дома с извинениями и гостинцами. Стоило ребятишкам учуять ароматные сладости, как их глаза загорались восторгом, а обиды забывались... Теперь деревенские дети, если их обидит гусь, не бегут к мамке, а со всех ног несутся жаловаться Вэй Цю!

Там их ждет ласковый «Цю-цзю», который прижмет к себе, утешит, накормит вкусненьким, да еще и при них «задаст трепку» невежливым гусям, выдрав у тех пару перышек.

У самого задиристого белого гуся макушка стараниями Вэй Цю почти облысела, но тот всё равно ежедневно щеголяет своей плешивой головой и не теряет гонора...

По сравнению с ними, те гуси, что сейчас сидели рядом с Вэй Цю у ручья, были сущими ангелами. В деревню они обычно не совались, предпочитая возиться у воды и мирно следовать за хозяином, куда бы тот ни пошел.

Как раз когда стирка была закончена, вернулся Шинань. Он подхватил тяжелый таз и понес его к дому. Во дворе муж развешивал белье, а Вэй Цю загнал гусей в загон на заднем дворе и насыпал им корма, заодно покормив и кур.

Сейчас у них было семь-восемь кур-несушек. Они уже выросли и начали исправно нестись, так что свежие яйца в доме не переводились. Уток было поменьше — неслись только три, но яиц всё равно хватало. Покормив птицу, Вэй Цю собрал дневной «улов»...

— Хочешь на обед жаренные яйца? — Вэй Цю зашел в кухню, помахивая четырьмя свежими яйцами.

Шинань подкинул дров в печь, где уже варилась каша: — Давай. Пожарь их с люффой.

— Договорились! — Вэй Цю засучил рукава и принялся мыть овощи.

— Через пару дней Праздник середины осени. После обеда хочу сходить в горы: в праздничные дни за дичь дают хорошую цену.

— О... — Вэй Цю, не поднимая головы, медленно отозвался, продолжая резать овощи.

Шинань встал, подошел к мужу и забрал у него нож. Сам принялся резать, мягко объясняя: — Тот случай был случайностью. Не волнуйся, в этот раз я не буду рисковать.

Вэй Цю, скрестив руки на груди, прислонился к плите. На сердце всё равно было беспокойно. Не будь он таким хрупким и слабым, сам бы пошел следом, чтобы не мешаться... Но он знал, какой Шинань упрямый в душе — тот не хотел сидеть дома без дела.

Немного подумав, Вэй Цю сказал: — Тогда обещай! Обещай, что вернешься пораньше и не будешь охотиться на крупных зверей.

Шинань с улыбкой поклялся: — Обещаю. Никаких крупных зверей. Тот раз был уроком, больше не повторится.

Увидев, что Вэй Цю смягчился, Шинань втайне облегченно выдохнул и, сияя от радости, украдкой поцеловал мужа в щеку.

— Отстань, зануда... — в шутку отмахнулся Вэй Цю.

Шинань бросил нож, обхватил мужа и принялся настойчиво целовать его, тычась носом в шею, словно кабанчик землю роет, пока Вэй Цю не зашелся от смеха. Только после этого Шинань вернулся к нарезке овощей.

После обеда Вэй Цю приготовил Шинаню простые лепешки в дорогу. Он проводил мужа до самого подножия горы, всю дорогу наставляя его:

— Дома дел невпроворот! Я неумеха, сам не справлюсь, так что возвращайся скорее.

Шинань улыбался, прекрасно понимая, что за этими словами скрывается глубокая забота: — Угу... Дела подождут, я вернусь и всё сделаю. А ты будь умницей и сиди дома.

За два месяца они почти не разлучались, и теперь обоим было трудно расстаться. Они стояли в тени деревьев, глупо глядя друг другу в глаза, в которых так и искрилась нежность.

Слова «останься» несколько раз крутились на языке у Вэй Цю, но он каждый раз сглатывал их. Наконец, он приподнялся на цыпочки и поцеловал Шинаня в уголок губ.

Стараясь казаться беззаботным, он бросил: — Ладно, иди уже! Буду тебя ждать!

Шинань видел, что за этой улыбкой скрывается грусть.

Он наклонился, крепко обнял мужа и прошептал на ухо: — Золото моё, жди меня.

Затем он взъерошил волосы Вэй Цю и скрылся в лесной чаще. Вэй Цю стоял и смотрел вслед, пока силуэт мужа не исчез, и только тогда повернул к дому.

Вернувшись под палящим солнцем, он открыл дверь. В доме было непривычно тихо. Вэй Цю со стеклянным взглядом рухнул на кан — даже стрекот цикад казался ему слишком тихим.

Раньше-то он обожал тишину, не выносил шума и раздражался от любого звука, а что теперь? Без этого человека даже тишина стала пугающей! Немного полежав, он сел и встряхнулся: нет, так нельзя. Нужно найти себе дело. Подумать, чем заняться, когда через пару дней поедет в город.

Вэй Цю погрузился в раздумья. Особых талантов у него не было, так что придется вернуться к

старому ремеслу — кулинарии. Нужно что-то простое, не слишком трудозатратное, но пользующееся спросом. Прошлые мясные блюда не подойдут — слишком хлопотно, жара стоит великая, да и дорога дальняя, протухнет по пути. Выпечка? Для себя — пожалуйста, а на продажу — дорого по себестоимости.

А что, если заняться маринованным мясом или закусками в рассоле (лу-вэй)? Это отличная идея: холодные, пряные, острые закуски пробуждают аппетит. Можно дома замариновать и привезти готовое... Сказано — сделано!

Вэй Цю пошел на кухню проверить запасы специй. К счастью, когда Шинань хотел рыбу в котелке, они закупили в городе много приправ. Для маринада можно купить свиную голову, грудинку, ножки или даже потроха...

Когда Шинань вернется, если добудет кроликов, можно сделать «холодную крольчатину», или вон — у ручья сейчас полно улиток. Жареные улитки (тянь-ло) — великолепная закуска к выпивке летом, и затрат почти ноль, только масло, соль да дрова.

Когда жара спала, Вэй Цю, прихватив корзинку, отправился к ручью за улитками. Сейчас был самый сезон, и мясо у них было жирным и сочным. Закатав штанины, он быстро набрал полную корзину и вернулся домой только к сумеркам. Он залил улиток чистой водой, чтобы они выплюнули песок, и пошел кормить живность.

Особого внимания требовали два откормленных поросенка. Оба были хрячками. Сразу после того, как их поймали, вызвали мастера из соседней деревни: одного кастрировали, а второго оставили на племя. Оба росли хорошо, но тот, что был кастрирован, прибавлял в весе заметно быстрее.

Накормив всё хозяйство, Вэй Цю сварил себе немного лапши и пораньше лег спать. Правда, уснуть удалось только глубокой ночью — ворочался с боку на бок.

На следующее утро Вэй Цю разбудил невообразимый гвалт — куры, утки, гуси и свиньи орали наперебой. Шинаня не было, и покормить их с утра пораньше было некому... На заднем дворе стоял шум до небес.

Взъерошенный, он сполз с кана и побежал кормить и выпускать живность. Наконец в доме стало тихо. Вэй Цю зевнул и завалился досыпать «вторым сном» — только тогда голова прояснилась.

День выдался не слишком солнечным, и Вэй Цю весь день провел у ручья, закатав штанины и собирая улиток. После обеда мимо проходил Тешэн с охапкой дров. Увидев Вэй Цю за работой, он сбегал домой, скинул дрова и привел с собой еще нескольких ребят постарше. В большой компании дело пошло быстро, и вскоре они вычистили весь берег от улиток.

К темноте Вэй Цю закончил готовку и попросил ребят предупредить домашних, что они поужинают у него. Услышав это, Тешэн и остальные просияли, но тут же засмутились.

Все четверо были из бедных семей, где порой и досыта не ели. Несмотря на бедность, дети понимали приличия: — Цю-цзю, может... не стоит...

Тешэн робко смотрел на Вэй Цю, чья улыбка в свете лампы была такой теплой, что слова отказа застряли в горле.

Вэй Цю ласково погладил его по голове: — Идите скорее. Ши-шу (Дядя Ши) сегодня нет дома,

считайте, что вы составляете мне компанию — я ужасно боюсь есть в одиночестве.

Услышав, что Цю-цзю боится, Тешэн тут же преисполнился мужества: выпятил грудь и заявил: — Цю-цзю, мы с тобой, не бойся!

— Да, мы с тобой! — звонко подхватил семилетний Хуцзы, утирая нос.

— Вот и спасибо. Бегите домой, скажите взрослым и возвращайтесь к столу!

— Есть! — мальчишки сорвались с места и умчались.

— Дедушка, я вернулся! — Тешэн влетел во двор, где дедушка Гу кормил кур.

— О, пришел! Проголодался?

— Еще нет. Дедушка, Цю-цзю позвал меня на ужин, велел тебе сказать.

Дедушка Гу обернулся и улыбнулся: — С чего это он тебя позвал?

— Мы помогали ему собирать улиток у ручья, вот он и пригласил. Я хотел отказаться, но Цю-цзю сказал, что Ши-шу нет дома и ему страшно одному есть. Вот я и согласился... — пролепетал Тешэн.

Дедушка Гу погладил внука по голове и понимающе покачал головой. Он-то знал, что слова про страх — лишь повод, чтобы не ранить гордость детей.

— Раз позвал — иди. Цю-цзю и Ши-шу — хорошие люди. Когда вырастешь, Тешэн, помни их доброту и отплати им тем же.

— Я знаю, дедушка! Я помню всех, кто ко мне добр!

Дедушка зашел в дом и вынес корзину спелых красных персиков: — Я слышал, Цю-гэр любит фрукты, отнеси ему, пусть попробует.

Тешэн радостно подхватил корзину. Их персики были самыми крупными и вкусными в деревне; каждый год дедушка возил их на продажу в город — это был их основной летний заработок. В остальное время дедушка плел корзины на продажу.

Мальчик припустил к Вэй Цю, а дедушка кричал вслед: — Не помни смотри! Иди аккуратно! И возвращайся пораньше!

Когда Вэй Цю еще дожаривал блюда, ребята вернулись. И никто не пришел с пустыми руками: кто-то нес овощи, кто-то — пару яиц, кто-то — вареный арахис. А Тешэн гордо прижимал к себе корзину пунцовых персиков, сияя от счастья.

Вэй Цю приложил руку ко лбу: «Эх, забыл сказать, чтобы ничего не приносили!»

Приняв подношения, он взлохматил их мягкие макушки: — Чтобы в следующий раз ничего не приносили, а не то уши надеру!

Мальчишки лишь хихикали — они ни за что не поверили бы, что такой добрый Цю-гэр может кого-то ударить.

На ужин были: карп в кисло-сладком соусе, суп из редьки с копченым мясом, томленные

креветки в масле, баклажаны с ароматом рыбы, побеги бамбука с вяленным мясом, пшенная каша и яичные лепешки. Рыбу и креветок они наловили днем в ручье, и их было вдоволь.

В котелке еще томился суп из карасей с тофу — Вэй Цю решил разлить его ребятам с собой, всё равно сам столько не съест без своего «главного едока».

Глядя на ломящийся стол, дети чувствовали себя как на Новый год — даже на праздник у них не всегда было столько рыбы и мяса.

Вэй Цю с улыбкой раздал палочки: — Ешьте сколько влезет, не стесняйтесь, нужно всё это уничтожить!

— Есть! — радостно отозвались дети.

Вэй Цю привычно раскладывал им лучшие кусочки, выбирая кости из рыбы.

От первого же куска вкусной еды и теплых слов у ребят защипало в глазах. Они низко склонили головы над мисками, стараясь быстрее есть, чтобы скрыть нахлынувшие чувства.

Вэй Цю заметил это и тут же перевел тему: — Знаете, как вкуснее всего есть томленных креветок?

Дети, хлопая глазами, дружно помотали головами.

— А ну-ка, поднимите руки. Повторяйте за мной! — Вэй Цю учил их: — Сначала нужно обсосать головку...

Раздался дружный звук втягивания сока.

— Ой... как вкусно! Сок острый, но такой сладкий!

— Да, совсем не похоже на ту горькую и вонючую гадость, которую мы раньше жарили на костре! — закричали мальчишки.

Вэй Цю продолжал показывать: — Теперь снимаем панцирь, макаем мясо в соус на краю тарелки и — ам! Ну как?

Дети неумело, но очень старательно повторяли за ним. Сладкое и острое мясо креветок было таким вкусным, что они облизали пальцы дочиста...

Увидев, что грусть прошла, Вэй Цю пододвинул к ним тарелку: — Ешьте, тут еще много!

Атмосфера за столом стала шумной и веселой. Спустя время Тешэн робко потянул Вэй Цю за рукав: — Цю-цзю, можно мне оставить две штучки?

— А? — Вэй Цю не сразу понял.

— Я хочу отнести дедушке попробовать. Он никогда не ел таких вкусных креветок.

Вэй Цю посмотрел на простодушное, пыльное личико Тешэна, в чьих глазах светилась надежда и безграничное доверие к нему. Сердце сжалось. Он погладил мальчика по голове. Остальные ребята тоже замерли, боясь, что Цю-цзю рассердится на их нескромность.

— Ха... да разве это проблема? Несите конечно. Кто помнит о близких — тот настоящий

молодец.

— Правда?! — Хуцзы просиял, он тоже хотел угостить сестренку.

— Конечно! Оставьте креветок, я вам их с собой соберу. И знайте: захотите креветок — идите к ручью, ловите, а я вам их приготовлю. Только уговор: одни к воде не ходите, только со взрослыми! Поняли?

— Поняли! — хором ответили дети.

Ужин прошел замечательно. После еды Вэй Цю завернул им креветок в промасленную бумагу, налил по большой миске рыбного супа с гущей и тофу, и отдал оставшиеся яичные лепешки. Он проводил их до края деревни и убедился, что все зашли в свои дома.

Только когда он повернул обратно к своему дому, он увидел у ворот высокую мужскую фигуру. Вэй Цю, едва не вскрикнув от радости, на цыпочках подкрался и с разбегу бросился мужу на шею!

<http://bllate.org/book/17091/1600529>